

«Блокадная этика.

Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг.»

Сергея Ярова

Блокада Ленинграда – одно из самых трагичных событий Великой Отечественной и в целом Второй мировой войны, а для нашей страны – пожалуй, самое трагичное. Вторую мировую вообще трудно втиснуть в рамки «войны» (как бы широко ни понималось это само по себе страшное слово). Но и в этом контексте блокада навсегда останется очагом боли для всех, кто соприкасается с памятью о ней. Писать о ней тяжело, бесстрастно анализировать – наверное, вообще невозможно. Тем не менее анализ трагедии Ленинграда, конечно, и необходим, и актуален.

С годами всё большее значение приобретает изучение социальных и гуманитарных аспектов блокадной действительности. Открытие разнообразных и многочисленных источников (прежде всего архивных) и исчезновение цензуры привели в последнюю четверть века к появлению целой серии исследовательских проектов и публикаций, которые сконцентрированы именно на человеческом измерении происходившего в Ленинграде. Но тема эта не только не исчерпана, а во многом лишь начинает серьёзно – без сенсационности и умолчаний – изучаться. Важной вехой на этом пути стала публикация монографии известного петербургского историка, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН, профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургского государственного университета им. А.И. Герцена Сергея Викторовича Ярова¹.

В дискуссии приняли участие доктор исторических наук и профессор Т.М. Димони (Вологодский государственный педагогический университет); Ю.З. Кантор (Государственный Эрмитаж); О.Л. Лейбович (Пермский государственный политехнический университет); Н.А. Ломагин и В.Л. Пянкевич (оба – Санкт-Петербургский государственный университет); кандидаты исторических наук А.И. Богомолов (Санкт-Петербургский институт истории РАН); Д.А. Журавлёв (Военно-медицинский музей); А.С. Иванова (Институт российской истории РАН); Л.Г. Новикова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), а также профессор Джеффри Хасс (университет Ричмонда, Вирджиния, США).

Юлия Кантор: «И было сочувствие, и было милосердие, и была боль»

Стихи О. Берггольц, дневник Тани Савичевой, Ленинградская симфония Д. Шостаковича, Пискаревское кладбище, Пулковские высоты, 900 дней и ночей, миллион загубленных жизней... Этими фактами-символами, пожалуй, и исчерпываются сегодняшние «общеупотребительные» представления

---

¹ Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб.; М.: Центрполиграф, 2012. 603 с.

о беспрецедентном, бесчеловечном явлении, вошедшем в мировую историю как блокада Ленинграда. С течением времени героизм обречённых на подвиг ленинградцев становится некой абстракцией, обязательной для упоминания лишь «по торжественным дням», а значит, чреватой исчезновением из национальной памяти. Правда о блокадной повседневности, о ситуации в городе, в советское время закрытая цензурой, а в постсоветское непростительно не вызывавшая интереса, сохранена в документах тех лет – секретных военных сводках и донесениях спецслужб (как советских, так и фашистских), статистических данных, дневниках горожан, в воспоминаниях. Эта правда при всей её жёсткости – «противоядие» от обывательского беспамятыства. С.В. Яров, одним из первых в СССР ещё в 1980-х гг. обратившийся к теме обычного человека как участника грандиозных событий, к теории «малых дел» в большой социальной истории, остался верен себе. В обсуждаемой нами книге практически отсутствует традиционное, каноническое описание героизма и стойкости, описание, вошедшее в привычку и потому уже не «берущее за душу» и не будоражащее сознание. Яров скрупулёзно исследует жизнь города и горожан, оказавшихся в кольце: день за днём, час за часом. Потому что день и час для каждого ленинградца могли быть последними и при всей трагической похожести не были одинаковыми. Это видно лишь с «близкого расстояния» – при анализе сотен дневников, прочитанных автором. Они ранее лежали в спецхранах архивов и музеев, куда их приносили ленинградцы, надеясь, что для «правдивого слова о Ленинграде придёт время». Эти дневники, даже самые страшные, состоящие из смертельного отчаяния, – проявление поразительного духовного оптимизма. Ведь люди надеялись, что их свидетельства прочтут потомки, значит, они верили в Победу.

Дневники – основа исследования, но отнюдь не единственный его источник. В книге используются новые архивные и опубликованные материалы, принадлежащие авторам, общественное положение которых было радикально различным. Яров анализирует проблему морали в ситуации априори аморальной, каковой и была нацистская блокада многомиллионного города.

Блокадное кольцо сомкнулось вокруг Ленинграда 8 сентября 1941 г. Но в Ставку об этом не докладывали почти две недели, надеясь, что советские войска скоро прорвут блокаду, и можно будет доложить об «успешном дезавуировании фашистской провокации». Это промедление стоило Ленинграду сотен тысяч жизней – решение комиссии Госкомитета обороны о необходимости создания к 1 октября полуторамесячного запаса продовольствия в связи с угрозой осады было принято катастрофически поздно, в конце августа, и оказалось заведомо невыполнимым. Разумеется, о блокаде не сообщалось и населению. Более того, 13 сентября газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение Совинформбюро: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением». В осаждённом городе осталось 2 млн 544 тыс. гражданского населения, в том числе свыше 100 тыс. беженцев из Прибалтики, Карелии и Ленинградской обл. Вместе с жителями пригородных районов в блокадном кольце оказалось 2 млн 887 тыс. человек.

В «Блокадной этике» нет пафосных обличений городского руководства, хотя имеется отдельная глава «Власть». Есть предельно внятные оценки её деятельности и нравственного состояния. Блокада не могла не отразиться на действиях городских властей и рельефнее, чем обычно, обнаружить их этику.

Главное – государственные интересы, и лишь потом забота о людях – таково было одно из основных правил многих «ответственных работников» во время блокады, – констатирует автор монографии. Он подтверждает этот тезис документами, в частности теми, где сказано, что «в первую очередь эвакуации подлежат важнейшие промышленные ценности... квалифицированные рабочие, инженеры и служащие... ответственные и партийные работники». «Металл важнее человека, партийный работник ценнее ребёнка – можно как угодно изворачиваться, оправдывая этот документ, но к иному выводу не прийти», – считает Яров. На фоне огромного количества серьёзной документальной, публицистической, мемуарной литературы о блокаде, вышедшей в последние два десятилетия, появление его книги воспринимается уже не как документальная сенсация, но как символический акт. И как приговор власти, беспомощность и бессовестность которой со всей беспощадностью высветила правда войны. Власть, узурпировавшая право на подлинную память о трагедии и подвиге города-героя, власти, скрывавшей страшную правду буквально с первых дней блокады и десятилетия спустя после её окончания.

«Ясной и системной программы спасения сотен тысяч ленинградцев до начала января 1942 г. у руководства города, похоже, не было. Отчасти это произошло потому, что они не сразу осознали масштабы катастрофы. Когда их скрывать стало невозможно, начали остерегаться нежелательной огласки. И не зря – неизбежно бы возник вопрос о том, кто виноват в случившемся», – пишет Яров в разделе «Государственный и общественный контроль». Уже после первой блокадной зимы партийное руководство пыталось направить коллективную память ленинградцев в «нужное» русло. Решено было снять фильм о блокаде. На всех этапах создания фильма – от написания сценария до выпуска его на экран – шла непрерывная работа по изъятию слоя за слоем фрагментов, свидетельствовавших о глубине ленинградской трагедии и проявившейся при этом слабости власти. В обсуждении подготовленной к показу документальной картины «Ленинград в борьбе» в студии кинохроники приняло участие всё руководство города. Итог подвёл А.А. Жданов: «Картина не удовлетворяет». Побывавшая в 1942 г. в Москве О. Берггольц испытала шок: «О Ленинграде всё скрывалось, о нём не знали правды так же, как о ежовской тюрьме. Я рассказываю им о нём, как когда-то говорила о тюрьме, – неудержимо, с тупым, посторонним удивлением... Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Мы изолированы, мы выступаем в ролях “героев” фильма “Светлый путь”». Описание страданий и после войны было категорически недопустимо в советской оптимистической доктрине. Так, пишет Яров, Л. Гинзбург, пробивая публикацию своих «Записок», получила замечание, что в них слишком много пишется о еде.

«Блокадная этика» – это анатомия блокады. Здесь много медицинских фактов и натуралистических деталей. Для того чтобы не только осознать, но и прочувствовать глубину трагедии и подвига, необходимо знать всю правду. В книге нет «обобщённых» цифр – «900 дней» блокады, «более полумиллиона жизней», унесённых ею. Для автора это принципиально и в научном, и в нравственном смысле. Блокада продолжалась 871 день. Количество её жертв неизвестно. И не только потому, что после снятия блокады сводить воедино данные кладбищ было запрещено, а на оглашение каких-либо иных сведений, кроме официально утверждённых, было наложено вето. Сами кладбища не фиксировали количество захороненных в гигантских братских могилах-ямах (которые

были не только на Пискаревском). Ещё одна причина: нередко люди привозили умерших родственников на кладбище, не регистрируя смерть в жилконторах. Это давало возможность получить на них продовольственные карточки и продлить себе жизнь. Сотни умерших на улицах увозили похоронные команды: кто был в силах подсчитывать, сколько тел удалось погрузить в кузов?

Требовать от обывателей массового, многодневного, многомесячного героизма – ханжеский абсурд. От многих принципов, действий, традиций, кажущихся незыблемыми, обычным людям пришлось отказаться. Но зимой 1941–1942 гг. жители Ленинграда крайне редко помогали подняться упавшему. Считали, что тому, кто упал, скорее всего, уже не помочь, а поднимая его, можно лишиться последних сил и упасть самому. Поэтому обыденностью, нормой, стали такие ситуации: «На одной из улиц упал человек... Ему не встать. Он пытается кричать, но крика нет – лишь какое-то тоскливое мычание. Он царапает коченеющими пальцами следы ещё живых людей, пытается привстать. К нему никто не подходит. Все идет на работу». Удивляться, осуждать, морализировать можно и нужно – но только находясь вне «смертного времени», а значит, вне блокадного контекста, как ни цинично прозвучит это слово применительно к запредельной блокадной реальности. Возникали кафкианские ситуации, когда в семье с несколькими детьми родители переставали кормить младших детей, рассчитывая ценой их гибели спасти себя и старших. И некоторым это удавалось. Как они жили после того, с каким грузом памяти? Нет ответа... И всё же, несмотря на эти многочисленные утраты, люди продолжали оставаться людьми, помогать друг другу, делиться последним кусочком хлеба.

Блокадная повседневность делала бессмысленными патетические жесты и, разумеется, в трудную минуту вынуждены были пользоваться привилегиями даже люди, публично их порицавшие. Происходило это в разных, порой запутанных ситуациях, когда и не всегда ясно было, берут ли «свое» или «чужое». И всё равно чувство стыда не исчезало. Б.Б. Кросс рассказывал, как получая «привилегированный» паёк за дежурство в МПВО, испытывал неловкость перед своими товарищами. Делиться не стал, поскольку сам голодал, но ел паёк «в соседних аудиториях». Главное здесь – честность критического взгляда на самого себя. Ф.А. Грязнов стал подрабатывать чтецом в госпитале – его обещали кормить в столовой. Он закончил лекцию, но в столовую не пригласили: медсестра, провожая, лишь пожелала всего доброго. Было неловко, но уйти он не мог. «Предельно деликатно, “робко”, ничего не требуя, но только лишь прося, пояснял: “Простите... обещано... кажется, напоить нас чаем”». Стыд здесь чувствуется в каждом слове, в паузах, обозначенных многоточиями. И сколько таких ситуаций описывает автор...

Главное внимание Ярова сосредоточено на ленинградцах, оказавшихся духовно сильнее запредельной реальности. Тех, кто помогал подняться упавшим, кто приносил карточки домой к потерявшим их, кто доставлял на промёрзший вокзал согретый на «буржуйках» кипяток людям, сутками ждавшим поезда до Ладоги... Одно из главных проявлений чувства милосердия – сочувствие к пострадавшим людям: слабым, беспомощным, не способным постоять за себя. Это прежде всего сочувствие к детям. В то бесчеловечное время проявления человечности хотя и не были нормой, но всё же, как убеждает Яров, их нельзя назвать исключением. Скорее, они были примером. Вот один из эпизодов, приведённый в главе, которая так и называется – «Милосердие». «Санки с новогодними подарками, предназначенными для детского дома, перевернулись,

из свертков посыпались соевые конфеты... Начали останавливаться прохожие. Женщина-экспедитор собирала конфеты, и, заподозрив недоброе, размахивала руками, надеясь не допустить их расхищения. “Это для детдомовцев”, – крикнула она... И произошло то, на что она, может, и не надеялась: люди в передних рядах окружили санки, сомкнулись, взявшись за руки и стояли до тех пор, пока всё не было собрано и упаковано». Для Ярова здесь принципиально важно не только единодушие, но и его органичная форма – «взявшись за руки», и он выделяет эти слова в цитате курсивом. Вот ещё один случай: «Умерла мать, брат и сестра отдали “карточку” за то, чтобы её похоронить. Продукты кончились, они пошли к магазину просить милостыню». У дверей магазина мальчик заметил, как сестра «вдруг начала оседать, глаза у неё начали стекленеть». Их спасла женщина, вышедшая из магазина: «Спросила, что случилось, отломала от своей нормированной порции кусочек хлеба с половину спичечного коробка и сунула сестре в рот. Та проглотила хлеб, открыла глаза и ожила». Самое непостижимое явление в событиях блокады – несмотря на все ужасы, люди находят в себе силы оставаться людьми. И нельзя не согласиться с Яровым: «Когда мы говорим о ленинградской трагедии, то, может быть, главное состояло не в том, всегда ли человек был способен проявить сострадание, а в том, что он находил в себе силы хотя бы однажды выразить его». Автор монографии, сломав чуть отстранённую публицистичность стиля, свойственную книге в целом, здесь пишет с почти библейской интонацией: «Вся блокадная повседневность свинцовой тяжестью втаптывала человека в грязь – как здесь быть готовым к милосердию и любви? И было сочувствие – у изголовья тех, кто умирал, мы видим их родных и друзей, если они ещё были живы. И было милосердие – хлеб, оставленный для себя, оказывался в протянутой руке ребенка. И было ещё одно чувство – это боль».

Ещё во время войны О. Берггольц горько призналась самой себе: «Для слова – правдивого слова о Ленинграде – ещё, видимо, не пришло время... Придёт ли оно вообще?». Это время всё-таки наступило, и один из важнейших шагов на пути к долгожданному «правдивому слову» – книга С. Ярова «Блокадная этика».

Анна Иванова: Пространство ужаса и приметы «обычной» жизни

Во время блокады публично говорить о масштабах происходящей в городе катастрофы было запрещено: письма из города цензурировались, по радио передавались только героические новости², в выпущенном в 1942 г. фильме «Ленинград в борьбе», подвергшемся жёсткой цензуре, остались в основном рассказы о народном ополчении и успехах ленинградских оборонных заводов. Официальное объяснение этого состояло в том, что немцы не должны знать, какие трудности переживает город. К тому же нужно было вселить уверенность в советских гражданах, живущих за пределами Ленинграда. В подобной пропагандистской политике, возможно, был свой смысл для военного времени, однако советская власть не отказалась от неё и в последующие годы. В условиях холодной войны врагом, который не должен был узнать о наших, пусть даже давно минувших слабостях, стал Запад, советским же людям не следовало проявлять интерес к неприглядным сторонам военного прошлого. В официальной

---

² Черепенина Н.Ю. Голод и смерть в блокированном городе // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. СПб., 2001. С. 64–65.